

L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). Case, valency and transitivity. Amsterdam: John Benjamins, 2006. xx+507 p. (Studies in language companion series: 77).

Рецензируемая книга основана на трудах конференции по теории падежа, транзитивности и актантной деривации, состоявшейся в университете Неймегена в июне 2003 г. В последние годы вышло несколько сборников работ по данной тематике (см., например [Re-

uland (ed.) 2000; de Hoop et al. 2001; Brandner, Zinsmeister 2003; Amberber, de Hoop 2005], посвященные вопросам падежа и падежного маркирования, а также [Aikhenvald et al. 2001; Bhaskarao, Subarao 2004] по неканоническому падежному маркированию, [Kulikov, Vater

1998; Dixon, Aikhenvald 2000; Shibatani (ed.) 2001] по транзитивности и актантной деривации). Это свидетельствует о росте интереса к данному кругу проблем.

Явления, характеризующие падеж, валентность и транзитивность, тесно связаны между собой, что и мотивирует широкую тематику сборника. Вошедшие в сборник работы выполнены в рамках различных исследовательских традиций. Большая часть статей написана в функционалистской парадигме, однако две работы, Троммера и Абрахама, реализуют генеративистский подход к проблемам падежного маркирования, а работа Саху выполнена в рамках вершинной грамматики составляющих [Head-Driven Phrase Structure Grammar (HPSG)]. Надо заметить, что многие из работ как формалистских, так и функционалистских, используют различные модификации теории оптимальности.

Большинство работ концентрируется на отдельных языках, причем основывается на результатах полевой работы авторов. Представлены индейские языки (Бродуэлл, Леман и Ферхевен обсуждают языки майя, Петерсон – цимшианские, Троммер – алгонкинские языки), языки Африки (работы Выдрин о языке манде и Галяминой о языке сонгай), тюркские (работа Юхансона выполнена на турецком материале, А.А. Бонч-Осмоловская и Е.А. Лютикова обсуждают карачаево-балкарский, А.Б. Летучий – хакасский), финно-угорские языки (статья Калининой и др.), кавказские (работа Ганенкова о нахско-дагестанских языках), индо-арийские (работа Саху о языке ория), а также несколько работ по «стандартным» европейским языкам (статьи Абрахама, Барддаль и Эйтоурсона, де Хооп и Ламерс).

Следует отметить, что из двадцати одной статьи, содержащейся в сборнике, шесть написаны московскими и петербургскими лингвистами, а две – российскими лингвистами, работающими ныне на Западе (Л. Куликовым и А. Мальчуковым). Три статьи (Лютиковой и Бонч-Осмоловской, Летучего, Калининой и др.) написаны на основе материалов, собранных в летних экспедициях ОТиПЛ МГУ и Института лингвистики РГГУ.

Статьи, вошедшие в книгу, в целом независимы и в содержательном отношении довольно неравноценны. Мы разберем их по отдельности.

Часть 1. Морфологический падеж. В статье Э. Спенсера «Синтаксический и морфологический падеж в морфосинтаксисе» рассматриваются случаи несогласованности морфологического маркирования и синтаксического падежа. Примерами служат

чукотский эргатив, который, в зависимости от словоизменительного класса существительного, совпадает либо с локативом, либо с инструменталисом, специальная форма датива в чешском, употребляющаяся только для одушевленных существительных мужского рода, когда последние оказываются на правой границе ИГ, состоящей из нескольких существительных. Еще одним примером такого несовпадения является маркирование падежа на немецких именных группах.

Автор, не уточняя, какой именно теорией синтактико-морфологического интерфейса он пользуется, предлагает анализ, а точнее, формальную запись таких явлений в терминах двух наборов признаков: морфологического и синтаксического. При порождении текста между этими двумя наборами признаков должно быть установлено соответствие. Отметим, что само явление несовпадения «естественных» требований синтаксиса и морфологического маркирования падежа исследовано в широко известной работе [Зализняк 1973], ссылок на которую в статье Спенсера нет.

Л.И. Куликов («Падежные системы в диахронической перспективе: типологический очерк») рассматривает засвидетельствованные сценарии эволюции падежных систем. Это делается в основном на материале индоевропейских языков. Такой выбор естествен, поскольку ни для какой другой языковой семьи нет материалов сравнимого объема, качества и исторической глубины. Статья начинается с описания возможных источников новых падежей. Отмечается, что наиболее обычным источником падежей являются предлоги, послелоги или другие вспомогательные слова похожей семантики. Тут интересно отметить, что префиксальные падежи почти не встречаются в языках мира. Автор цитирует работу [Reh 1986], где, на основе данных из некоторых африканских языков, делается заключение, что предлоги обычно грамматикализуются не в именные префиксы, а в глагольные суффиксы. Другим источником падежных показателей могут быть указательные местоимения или артикли. Предполагается, что именно таким способом образовались префиксальные падежи в современных берберских. Еще один механизм образования новых падежей – «расщепление» падежа на два. Таким способом возникли второй генитив и второй локатив в русском: окончание *-и* старого склонения на **-и* было распространено на основы других типов и переосмыслено как новый падеж.

Наконец, имеется и другой сценарий появления падежа – использование в качестве падежной формы чистой основы. Именно таким образом, с точки зрения автора, возник новый

вокатив в русском. Далее рассматривается утрата падежей и распад падежных систем. В последнем разделе статьи рассматриваются случаи реструктурирования падежной системы. Реструктурирование произошло, например, в русском, где, после того как во множественном числе совпали аккузатив и номинатив, развилась категория одушевленности. Кроме того, кратко рассматривается эволюция армянской падежной системы. В заключение выделяются языки с 1) увеличением числа падежей; 2) с сокращением числа падежей (например, германские, итальянские, кельтские, греческий); 3) языки со стабильной падежной системой. Отмечается, что ареальное влияние может определять то, к какому типу будет приходить данный язык. Так, на формирование новых падежных систем в индийских языках, вероятно, повлиял контакт с дравидийскими, для балтийских языков и русского был существен контакт с угро-финскими и т.п.

Заметим, что есть еще одна логически допустимая возможность, а именно существенное изменение падежного инвентаря при сохранении общего размера системы. В статье не показано, встречается ли такой сценарий.

В статье В.Ф. Выдрин «Возникновение морфологических падежей в южных манде: от аморфного типа к флективному?» обсуждается морфология существительных и местоимений в южных манде. Манде – семья в нигеро-конголезской ветви языков, насчитывающая примерно 60 языков. Девять из них, а именно мано, дан, тура, гуру, мван, ван, яуре, гбан и бен, относятся к южным манде. На них говорят в Кот-д'Ивуар, Либерии и Гвинее. В статье предлагается реконструкция системы личных местоимений в прото-южном манде. На фоне этой реконструкции рассматриваются системы, существующие ныне в языках гуру и яуре. При этом показывается, что в гуру может идти речь о возникновении эргатива у местоимений. Кроме того, показывается, что в гуру, мван, тура и дан у некоторых существительных подходящей семантики имеются специальные локативные формы, отличающиеся от основных форм тоном. Их можно трактовать как локативные падежи.

Т. Петерсон («Вопросы морфологической эргативности в цимшианских языках: Согласование, определители и реконструкция падежа») также рассматривает в основном диахронические проблемы. На цимшианских языках говорят около двух тысяч человек в провинции Британская Колумбия (Канада). Цимшианские языки подразделяются на прибрежные (смялгъях, сгююхс) и внутренние (гитксан, нисга'а). В современных цимшианских языках отсутствует продуктивное падежное маркирование, но остатки старой падеж-

ной системы можно усмотреть в поведении своеобразного класса морфем, которые цимшианисты называют «коннективами»:

(1) язык смялгъях (прибрежная подсемья)

yagwa=t dzap=dit rita=a waas
 PROG=3 делать = PNC Рита = CNC одеяло
 'Рита делает одеяло'.

(2) язык нисга'а (внутренняя подсемья)

hlimbom-ə-(t)=hl hanək'=t
 помочь-TR-3 = CNC женщина = PNC
 maɣu
 Мэри
 'Женщина помогла Мэри'.

В статье высказывается гипотеза, что данные морфемы возникли в результате слияния нескольких грамматически различных морфем, в том числе согласовательных показателей, определителей и остатков падежных показателей. Реконструкция первоначальной системы дает типологически необычное сочетание эргативного согласования с номинативным падежным маркированием.

Й. Троммер («Маркирование директивов и падеж в меномини») анализирует следующее явление, свойственное некоторым алгонкинским языкам (например, меномини): в случае, если объект переходного глагола выше по иерархии, чем субъект (например, объект 1-го или 2-го лица, а субъект – 3-го), это выражается специальным показателем «инверсива», а противоположная ситуация маркируется показателем «директива»:

(5) a. *ke-na'n-eko-w-a'w*

2-привести-[NV-[+3]-[-1 + pl]]
 Он приводит вас'.

b. *ke-na'n-a'-w-a'w*

2-привести-DIR-[+3]-[-1 + pl]]
 'Вы приводите его'.

Распределение показателей инверсива и директива обычно интерпретируется как результат действия иерархии маркированности.

Автор полемизирует со статьями [Halle, Marantz 1993; Bruening 2001], в которых делается попытка описать распределение данных показателей, не апеллируя к иерархиям, а опираясь лишь на общие механизмы приписывания падежа и реализации. В статье показано, что некоторые факты не могут быть предсказаны методами двух упомянутых статей. Взамен автор предлагает формализовать релевантную иерархию в рамках теории оптимальности. Поскольку данные о распределении показателей в статье приведены не полностью, проверить выводы автора не представляется возможным.

Часть 2. Падежное маркирование и транзитивность.

А. Синтаксис падежа. Цель статьи В. Абрахама «Беспредложное и предложное маркирование падежа: экзотическое положение немецкого (и исландского) среди всех германских» – выяснить, какие факторы оказывают влияние на выбор падежного оформления. Падежное оформление понимается при этом в самом широком смысле, включая в себя кроме собственно морфологического маркирование падежа, также позицию в клаузе и предложное оформление. Автор сочетает оптималистский подход к дифференциальному маркированию объекта, предложенный в известной работе [Aissen 2003], с представлениями о расщепленной VP, принятыми в современном минимализме. Отмечается влияние коммуникативной структуры на выбор падежного маркирования. Представление о стиле автора может дать третье предложение из резюме статьи: «It will be seen, first, that case is not identical to case irrespective in which case combinations it appears». На с. 118 утверждается, что в языке идиш падежное маркирование отсутствует, что вызывает некоторое недоумение у рецензента.

Й. Бардаль и Т. Эйтоурссон («Инфинитивы контроля и падеж в германских языках: «речевые ошибки» или маргинально приемлемые конструкции?») обсуждают на примере одного явления – эллипсиса дативного субъекта при инфинитиве в конструкциях контроля в немецком и исландском – методологические проблемы, встающие перед лингвистом при изучении конструкций, отвергаемых заметной частью носителей. Такая ситуация нередко возникает при корпусных исследованиях. Основной вывод статьи: маргинально приемлемые конструкции практически невозможно отличить от речевых ошибок.

В статье Д.С. Ганенкова «Кодирование экспериенцера в нахско-дагестанских языках» изучается падежное оформление экспериенцера при 20 глаголах ощущения на основе выборки из 18 нахско-дагестанских языков. Автор находит общие закономерности в кодировании и строит на их основании семантическую карту. Кроме того, предлагается мотивация для существующих стратегий. Явно не формулируя этого, автор исходит из локалистских представлений о генезисе грамматических падежей. Предлагаемые диахронические реконструкции заслуживают, по крайней мере, более подробного обоснования.

В статье К. Саху «Общие аргументы» в сериальных глагольных конструкциях в языке ория» анализируются сериальные глагольные конструкции в ория. Сериальные конструкции представляют трудность для синтаксических

теорий, поскольку один объект может зависеть в них от нескольких глаголов:

- (6) mun maachha-Te kiNi
я рыба-indef купить
keLaaI bhaaj khaa-il-i.
чистить жарить есть-pst-1sg
'Купив, почистив и пожарив рыбу, я ее съел'.

При этом сериальные конструкции отличаются от обычного сочинения:

- (7) а. сочинение
mun bajaara-ku ga-l-i o goTe
я базар-pp идти- pst-1 и indef
chakleT kiN-il-i
шоколад купить-pst-1sg
б. сериализация
mun bajaara-ku jaaI (*o) goTe
я базар-pp идти и indef
chakleT kiN-il-i
шоколад купить-pst-1sg
'Я пошел на базар и купил шоколадку'.

Пример 7b иллюстрирует также то обстоятельство, что в сериальных конструкциях в ория могут сочетаться непереходные и переходные глаголы. Автор высказывает гипотезу о том, как устроено дерево составляющих для сериальных конструкций с общим объектом. Далее в эту структуру вносятся уточнения с позиций Вершинной Грамматики Составляющих.

Б. Интерпретация падежей. В статье Л. Юхансона «Два подхода к референтности» сравниваются функциональный и классический структуралистский подходы к анализу референтности и других подобных свойств у турецких существительных. В турецком отсутствуют специальные показатели определенности, но их роль в соответствующих падежах могут выполнять показатели аккузатива и генитива. Автор подчеркивает, что, вопреки распространенному мнению, показатель аккузатива в турецком не является в буквальном смысле показателем определенности, поскольку может сочетаться с показателем неопределенности bir 'один':

- (8) bir kitab-i
INDEF книга-ACC
'некую книгу'.

Другие проблемы с анализом показателя аккузатива как показателя определенности возникают из-за того, что аккузативное маркирование обычно появляется на прямом дополнении, когда то занимает положение перед предикатом, вне зависимости от рефе-

рентности. Автор предлагает анализировать данное явление в терминах оппозиции признаков [+/-SPECIFIC], [+/-SINGULAR], [+/-PL].

П. де С в а р т («Маркированность падежей») применяет теорию оптимальности к языкам, в которых дифференциальное маркирование объекта используется для устранения неоднозначности грамматических функций. Приводятся примеры, показывающие, что даже в тех языках, где маркируются обычно лишь одушевленные объекты, например, в испанском и малаялам, при возникновении семантической неоднозначности аккузативное маркирование получают и неодушевленные объекты:

(9) испанский

A	la	difficuldad
acc	def.f	трудность
vence	el	entusiasmo
победить:3sg	def.f	энтузиазм
'Энтузиазм побеждает трудности'.		

(10) малаялам

a. Kappal	tiramaalakaL
корабль	волна.pl.acc
bheediccu	
поломать.pst	
'Корабль прорвался сквозь волны'.	
b. tiramaalakaL	kappaline
волна.pl	корабль.acc
bheediccu	
поломать.pst	

Такие случаи не учитываются в [Aissen 2003], где рассматривается модель, которая предсказывает возникновение маркирования на объекте только в случае нарушения иерархии маркированности. Автор предлагает ввести ограничения, связанные с семантической и морфологической различимостью партиципантов, а именно, если партиципанты не могут быть различены из семантических соображений, они должны получить морфологическое маркирование. При этом отмечается, что представления о мире влияют на семантическую различимость. Так, в сходных с 10a,b примерах *Огонь уничтожил хижину* и *Вода потушила огонь* пациенсы не маркируются аккузативом, поскольку синтаксические функции восстанавливаются тут из общих соображений. Далее автор формулирует систему ограничений в рамках двунаправленной теории оптимальности [Blutner 2000] – разновидности теории оптимальности, включающей в себя прагматические максимы.

Х. де Хооп и М. Ламерс («Инкрементальная различимость субъекта и объекта») исследуют переходные клаузы в немецком и голландском в рамках теории оптимальности и вводят набор (нарушаемых) ограничений, ко-

торые должны соблюдаться для различимости субъекта и объекта. Эти ограничения суть:

- 1) ПАДЕЖ: субъект должен стоять в номинативе, а объект – в аккузативе.
- 2) СОГЛАСОВАНИЕ: глагол согласуется с субъектом.
- 3) ОТБОР: субъект и объект должны удовлетворять селективным свойствам глагола (например, одушевленности одного из аргументов).
- 4) ПРЕДШЕСТВОВАНИЕ: субъект находится левее объекта в клаузе.
- 5) МАРКИРОВАННОСТЬ: субъект превосходит объект в маркированности (одушевленности).

Дальше на нескольких примерах устанавливается ранжирование этих ограничений. Приводятся данные измерения потенциалов мозга, показывающие, что фразы, нарушающие много ограничений, вызывают большие трудности при восприятии. Набор ограничений, вводимых авторами, носит модельный характер и обслуживает лишь простейший случай клаузы с двумя партиципантами. Так, ни трехвалентный глагол, ни клаузы с обстоятельством, маркированным падежом, не поддаются анализу с помощью такой системы ограничений.

В. Падеж и типология транзитивности. С. Киттия («Женищина показала младенца своей сестре: о разрешении неоднозначностей, вызванных одушевленностью, в битранзитивных глаголах») обращает внимание на то, что в канонических битранзитивных событиях (например *Я дал книгу учителю*), семантические роли различаются из соображений одушевленности. Однако, если и реципиент, и тема – одушевленные, например, как в предложении, вынесенном в заголовок статьи, возникает неоднозначность. По способам разрешения этой неоднозначности языки можно разделить на выделяющие тему и реципиента. В языках первого типа тема остается прямым дополнением независимо от одушевленности денотата, в то время как в языках второго типа оформление прямого объекта получает реципиент, а маркирование (одушевленной) темы меняется. Статья основана на выборке из 15 языков, в основном, «экзотических».

О. Нэсс («Семантика падежа и противопоставление агенса-пациенса») исходит из того, что в современной типологии бытуют два подхода к функциям ядерных падежей; их можно назвать «дискриминаторным» и «индексирующим». Первая точка зрения заключается в том, что основная роль ядерных падежей – различать партиципантов двухвалентной клаузы. При таком подходе семантические свойства индивидуальных аргументов важны лишь постольку, поскольку они могут повлиять на различение синтаксических функций. «Индексиру-

ющий» подход заключается в том, что ядерные падежные показатели непосредственно отражают семантические свойства партиципантов клаузы. Так, например, показатель аккузатива не просто служит для различения прямого дополнения, а маркирует в типичной ситуации партиципантов с «пациентивной» ролью в данном событии. В статье приводятся многочисленные примеры, указывающие на то, что полный анализ должен принимать во внимание и индексирующий, и дискриминаторный аспекты.

В статье А.Л. Мальчукова «Параметры переходности и альтернации переходности: ограничения на одновременное варьирование» обсуждается взаимодействие между параметрами переходности, сформулированными в работе [Norreg, Thompson 1980], и альтернациями переходности (т. е. менами падежного маркирования партиципантов). Автор формулирует два общих принципа, которым подчиняется их взаимодействие: Принцип релевантности («Маркируй параметр переходности на той составляющей, к которой он относится») и Принцип иммунитета первичного актанта («Не меняй падежное маркирование первичного актанта»). Под первичным актантом подразумевается тот аргумент переходной клаузы, который кодируется как подлежащее непереходного глагола и формально не маркирован. Автор показывает, как различные ранжирования этих двух ограничений позволяют предсказать типологически распространенные схемы альтернации переходности.

Объектом статьи Ю.Е. Галаминой «Транзитивность в языке сонгай» является западноафриканский язык, носители которого живут в Мали и Нигере вдоль течения реки Нигер. Его генетическая принадлежность не вполне установлена. По классификации Дж. Гринберга, он представляет собой отдельную ветвь нило-сахарской семьи языков. В данной статье обсуждаются грамматические и семантические свойства транзитивности в говоре Гао языка сонгай. Автор показывает, что некоторые из семантических признаков, предложенных в работе [Norreg, Thompson 1980], влияют на переходность на уровне лексики. Более того, некоторые параметры влияют на выражение транзитивности на уровне клаузы. Автор кратко характеризует разные типы производных глаголов в сонгай, выделяет несколько классов глаголов с неканоническими объектами и показывает, что у некоторых типов морфосинтаксически медиальных глаголов существуют общие семантические свойства. Кроме того, в статье обсуждается лабильность в сонгай.

Дж.А. Бродуэлл («Синтаксическая валентность, информационная структура и пассивные конструкции в языке какчикель») рассматривает один из языков майя, на котором

говорят около полумиллиона человек в горах Гватемалы. В этом языке есть два вида пассива: обычный и пассив на *ki-*. Они обладают неожиданно различными синтаксическими свойствами. В статье выдвигается предположение, что эти два пассива различаются по своему коммуникативному значению. Автор показывает, что аргументами пассива на *ki-* могут быть только заранее введенные в дискурс ИГ, в то время как для обычного пассива таких ограничений нет. Автор отмечает, что данные какчикель свидетельствуют в пользу необходимости понятия грамматической конструкции.

Е.А. Лютикова и А.А. Бонч-Осмоловская («Очень активный пассив: функциональные параллели между пассивом и каузативом в балкарском языке») обсуждают необычные свойства пассивизации в балкарском языке, которые во многом сближают ее с каузативизацией. Показатель пассива может присоединяться к одноместным глаголам, при этом событие интерпретируется как каузированное внешней причиной. Кроме того, показатель пассива может присоединяться к основе несколько раз, авторы приводят примеры с тремя и даже четырьмя показателями пассива подряд. Итерированный пассив употребляется для введения в ситуацию агенса или каузатора. Он также используется для обозначения преднамеренности действия. Авторы предлагают диахроническое объяснение этому явлению.

А.Б. Летучий («Падежное маркирование, посессивность и синтаксические иерархии в хакасских каузативных конструкциях в сравнении с другими тюркскими языками») анализирует факторы, влияющие на маркирование показателем аккузатива партиципантов ситуации каузации в хакасском и некоторых других тюркских языках. Автор показывает, что известное правило Комри, «каузируемый занимает самую высокую актантную позицию», не объясняет часть фактов в этих языках. Основной результат статьи – выделение иных существенных факторов. В хакасском на падежное маркирование влияют также прагматические свойства объекта в исходной конструкции, лексический класс и прагматические свойства каузируемого. В тувинском, кроме аргументной структуры глагола, существенна также определенность исходного объекта, а в алтайском и балкарском влияние оказывают порядок слов и падеж исходного объекта.

Е.Ю. Калинина, Д.И. Коломацкий, А.Н. Судобина («Показатели повышения транзитивности, взаимодействующие с семантикой глагола: данные уральских языков») анализируют актантную деривацию в марийском и коми-зырянском. В марийском показатель повышения транзитивности вводит внешнего агенса в глагольную аргументную струк-

туру. Авторы высказывают гипотезу, что все (непроизводные) марийские глаголы могут быть изначально неаккузативны. В коми же повышение транзитивности означает введение в аргументную структуру нового одушевленного партиципанта. Возможные семантические отношения между партиципантами зависят от лексической семантики глагола, и отнюдь не исчерпываются отношением каузации.

Х. Леман и Э. Ферхевен («Экстраверсивная транзитивация в юкатекском майя и природа аппликатива») анализируют понятие аппликатива. В современной англоязычной литературе термин *апликатив* применяется весьма широко: в работе [Dixon, Aikhenvald 2000] так именуется любая актантная деривация, переводящая периферийного партиципанта в прямой объект, а в [Peterson 1999] – вообще любая повышающая актантная деривация. В отечественной терминологической традиции аппликативу придается несколько более узкое значение: ср. определение в [Плунгян 2003, ч. 2, гл. 3: 210]: «показатель, выражающий добавление аргумента с ролью бенефактива, адресата или экспериенцера».

Юкатекский майя располагает следующим средством транзитивации: к основе непереходного глагола присоединяется суффикс *-t*. Этот тип актантной деривации, который авторы называют экстраверсивом, весьма употребителен в юкатекском майя, однако он применим не ко всем глаголам. Для непроизводных глагольных корней возможность присоединить *-t* задана лексически. Авторам известны 150 корней, обладающих таким свойством. Помимо этих корней, *-t* облигаторно присоединяется к переходным глаголам, построенным с помощью инкорпорации или образования композита, а также к переходным глаголам с основами, заимствованными из испанского. Статистику по трем последним категориям авторы не приводят.

Авторы предлагают различить понятие аппликатива и экстраверсива. Первый они определяют как продуктивную повышающую деривацию, применимую и к переходным, и к непереходным глаголам. Экстраверсив же вводит прямой объект лишь у замкнутого класса непереходных глаголов. Деривацию, устраняющую прямой объект у замкнутого класса переходных глаголов, авторы предлагают называть интроверсивом. В юкатекском майя интроверсив маркируется изменением тона в основе. Свидетельств того, что экстраверсив и интроверсив существуют в других языках мира, авторами не приводятся.

В целом работы сборника позволяют читателю получить широкое представление о современных проблемах теории падежного маркирования ядерных ролей и актантной деривации. Эта книга

будет безусловно очень полезна для лингвистов, занимающихся данной проблематикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зализняк 1973 – А.А. Зализняк. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- Плунгян 2003 – В.А. Плунгян. Курс общей морфологии. 2-е изд. М., 2003.
- Aikhenvald et al. 2001 – A. Aikhenvald, R. Dixon, M. Onishi (eds). Non-canonical marking of subjects and objects // Typological studies in languages. 46. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Aissen 2003 – J. Aissen. Differential object marking: Iconicity vs. economy // Natural language and linguistic theory. 2003. XXI. 3.
- Amberber, de Hoop 2005 – M. Amberber, H. de Hoop (eds.). Competition and variation in natural languages: the case for case. London; New York, 2005.
- Bhaskarao, Subbarao 2004 – P. Bhaskarao, K.V. Subbarao (eds.). Non-nominative subjects. V. 1–2. Amsterdam; Philadelphia, 2004.
- Blutner 2000 – R. Blutner. Some aspects of optimality in natural language interpretation // Journal of semantics. 2000. 17.
- Brandner, Zinsmeister 2003 – E. Brandner, H. Zinsmeister (eds.). New perspectives on case theory. Stanford, 2003.
- Bruening 2001 – B. Bruening. Syntax at the edge: Cross-clausal phenomena and the syntax of Passamaquoddy. PhD diss. Cambridge (Mass.), 2001.
- Dixon, Aikhenvald 2000 – R. Dixon, A. Aikhenvald (eds.). Changing valency: Case studies in transitivity. Cambridge, 2000.
- Halle, Marantz 1993 – M. Halle, A. Marantz. Distributed morphology and the pieces of inflection // The view from the building 20 / K. Hale, S.J. Keyser (eds.). Cambridge (Mass.), 1993.
- Hopper, Thompson 1980 – P.J. Hopper, S.A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. 56.
- de Hoop et al. 2001 – H. de Hoop, O. Koenenman, I. Mulders, F. Weerman (eds.). Effects of morphological case // Lingua 111, Special issue. 2001.
- Kulikov, Vater 1998 – L. Kulikov, H. Vater (eds.). Typology of verbal categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70-th birthday. Tübingen, 1998.
- Reh 1986 – M. Reh. Where have all prefixes gone? // Afrikanistische Arbeitspapiere. 1986. № 5.
- Reuland 2000 – E. Reuland (ed.). Arguments and case: Explaining Burzio's generalization. Amsterdam, 2000.
- Shibatani 2001 – M. Shibatani (ed.). The grammar of causation and interpersonal communication. Amsterdam, 2001.

Д.А. Эршлер